

СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮДИ

В учебном центре канадского города Виннипега я веду шахматы, однако в тот день коллега попросил подменить его на предмете естествознания.

Захожу в класс – сидят малявки пяти-шести лет.

– Здравствуй, дядя Миша! – кричат мне. Белокурый мальчик Коля машет рукой: – Привет!

– Привет, – здороваюсь с ними.

В Канаде не принято обращаться к старшим по имени и отчеству, поэтому мы, преподаватели, не требуем соблюдения условностей. Дети называют учителей дядями и тетями.

– Что вам на прошлом уроке рассказывал дядя Дима?

– Про древних людей! – зашумели, загалдели они с места.

– Хорошо, тогда продолжаем. Селились древние люди в пещерах, спали прямо на голых и холодных камнях, шкуры вместо одеял использовали; питались сырым мясом, ягодами и съедобными корешками...

Смотрю, Коля тянет руку, и улыбка до ушей.

– Что ты хотел сказать?

– А я знаю, как появились современные люди! – весь класс затих. Я жестом показал, что он может говорить, и он стал рассказывать: –

Сначала люди были дикими, дрались палками, кидали камни, кусались, могли целого быка съесть или друг друга, а потом появился Советский

Союз, и они превратились в нормальных людей, придумали самолет и полетели в космос, и уже на других планетах поселились, даже на Марсе. У меня аж дух захватило от его познаний.

ЗНАТОК ИСТОРИИ

Сроки поджимают. Готовлю к печати декабрьский номер газеты. В лучших традициях мультикультурализма пишем обо всех праздниках (чтобы никому обидно не было). Мои коллеги взяли на себя Новый Год и Рождество, а я пишу статью о Хануке, предварительно ознакомившись с несколькими главами из книги Маккавеев. Сижу и вслух считаю, сколько же там было братьев-повстанцев. По всему выходит – отец и четыре брата. Рядом крутится мой семилетний сын Мишка.

– Пять братьев, – говорит он.

– Сынок, четверо...

Я погрузился в книгу, пробежал по тексту – пятого не вижу.

– Пять, – не соглашается он. – Я точно знаю.

Я снова давай листать, весь текст перелопатил, – теперь хоть преподавателем иудаизма в университет устраивайся, – и точно, нашел пятого. Но возникает вопрос: откуда второклассник мог знать то, что не известно мне, взрослому человеку, прочитавшему довольно много книг.

– Сынок, тебе кто-то рассказал, что братьев было пятеро?

– Нет.

– Может быть, в школе говорили? — недоумеваю я.

– Нет.

– Ты у дедушки спросил?

– Нет, дедушка сам не знает.

– Сдаюсь, сынок, просвети отца.

Он отложил кубики, из которых строил замок, и удивленно поднял на меня глаза, будто спрашивал, не прикидываюсь ли я. А потом тоненько, по-детски задорно засмеялся:

– Смешной ты, папа. Я на обложке картинку посмотрел: там старый дядька и пятеро молодых, – и тут же счастливый побежал в спальню. — Мама, мама, я папе статью помог написать!

НА ТАМОЖНЕ

Смотрю я в честные и кристально чистые глаза наших любимых таможенников и понимаю: глаза – не зеркало души. Нет, и близко не стояло... и не лежало, и не сидело. Судите сами.

ОДЕССА

Бравый таможенник с пышными усами придиричиво разглядывает пустые страницы моего паспорта:

– Хм, не знаю, что с вами делать. Въехать на территорию Украины вы не можете... – он собирается с мыслями. – У вашей супруги два кольца и цепочка. Золотые украшения надо описать и отправить на экспертизу.

Вдруг это краденные музейные экспонаты?

– Шутить изволите?

– Но-но, не забываетесь! – таможенник приосанился, дунул в моржовый ус и форму свою синюю поправил. – Не надо говорить, что нет в побрякушках ничего особенного. У меня интуиция. А после экспертизы в Киеве их заберете, если отдадут. Гы-ы-ы... – оскалился он. – Будем оформлять?

Я выпалил по его адресу гадкую, полную издевательств и язвительного цинизма тираду, такую, чтобы с ног валила... выпалил ее про себя, а вслух обреченным голосом спросил:

– Сколько?

– Думайте.

Пальцем, каким обычно делают неприличный жест, он подвинул мой паспорт. Кладу туда одну купюру среднего достоинства и тем же пальцем возвращаю ему. Таможенник не смотрит, он оскорблен.

– Подумайте в два раза больше!

Удваиваю ставку. Если еще запросит – не дам, не стоят побрякушки тех денег. Усатый мне благосклонно кивает. На его лице заиграла светлая улыбка.

– Добро пожаловать!

Иду к выходу и мысленно заканчиваю злую тираду об одесской таможне. Да, какой я все-таки страшный... когда молчу.

КИЕВ

– Нарушаете! – пробасил толстый таможенник. – Вы в гостях были?

Ребенку на прошлой неделе пять лет исполнилось? Непорядок!

– В чем дело?! – щеки и шея моей жены покрываются красными пятнами.

– Пять лет ребенку. Значит, его фотография обязана быть в паспорте. Вы можете ехать дальше, а ребенок тут останется... И не надо, женщина,

делать вот такие испуганные глаза. Вернетесь потом за ним с фотографией, мы вам его отдадим.

– Так. Что хотите? – спрашиваю я.

– Магарыч – бутылку дорогого коньяка. Вон там можете купить.

Захожу в магазин, спрашиваю девушку-продавщицу:

– У вас палёный коньяк есть?

– Мужчина, зачем вы нас обижаете – только фирменный!

– Мне нужен палёный на этиловом спирте – плачу, как за «Наполеон».

– Простите, но такого не имеем.

Молодая продавщица с опаской косится на меня.

– Ну, хотя бы откупорить бутылку и плюнуть туда вы можете?

Мотает головой, а по глазам вижу, сейчас позовет милицию или санитаров из ближайшего дурдома.

– Ладно, – говорю разочарованно и показываю пальцем, – давайте вон тот коньяк, со второй полки.

Пришлось купить импортный, качественный. Обидно.